

Диалог о рабочих

Борис Максимов,
канд. философских наук
(Социологический институт РАН)

Чеслав Сымонович
(в настоящее время — рабочий-строитель, по высшему образованию — историк, канд. исторических наук)

1

Читателю предлагается достаточно своеобразный текст. Первая его особенность состоит в том, что рабочий откликается на статьи социолога о рабочих, при этом не в рамках традиционного интервью, выступая в качестве респондента, а в форме диалога; социолог, в свою очередь, реагирует на высказывания рабочего. Своеобразие также в фигуре рабочего. В данном случае он человек с высшим образованием, более того — по этому образованию — кандидат наук (исторических). "Какой же это рабочий?!" — может воскликнуть читатель. Но Ч. Сымонович был рабочим и до получения высшего образования, и после работы историком, преподавателем. Рабочие с высшим образованием — не такая уж редкость в России, особенно пореформенной, когда уже по социально-экономическим причинам многие из "служащих", почти по Марксу, опустились в ряды пролетариата (хотя по сути дела пролетариями были и в своих должностях). Чеслав прочувствовал условия труда рабочих в полной мере, в течение длительного времени, может судить о них с достаточным знанием дела. Ценность (и даже уникальность) его как собеседника и в том, что в Университете он занимался историей... рабочего класса. Можно рассматривать его работу даже как "наблюдающее участие" по А.Н. Алексееву. Во всяком случае, для социолога ценен отклик, которого, возможно, от обычного рабочего и не дождешься.

Социолог Б.И. Максимов (Б.М.): Нынешнее состояние рабочего человека в России, его действительная роль в обществе — одна из актуальных тем социологии, политологии и многих других общественных наук. Независимо от того, нравится это кому-то или нет. Ибо даже в информационном обществе нельзя виртуально ни питаться, ни одеваться, ни обороняться от врагов. При всём уважении к людям преимущественно умственного труда, надо признать, что все материальные блага и средства в конечном счёте — плод непосредственных усилий рабочего и крестьянина, как бы мы их ни называли — классами, слоями или большими социальными группами. Отсюда следует научная и практическая важность проблем и нынешнего состояния рабочих, и исторического пути к этому состоянию.

Есть у темы диалога также актуальность "личная". Значительная часть жизни моей, тем более вашей, прошла на заводах и на стройках, в самой гуще народа. "Человек на работе" — главная для меня научная тема.

В советское время одной из острых проблем идеологии и политики был разрыв между идеологическими заклинаниями о растущей руководящей роли рабочего класса и — реальным обликом рабочих, утрачивавших качества, присущие данной социальной группе. В современной России рабочие, во многом сохранив свою производственную роль, превратились в "великого немого". Их нет, или почти нет среди депутатов даже районного звена. Перестали выходить из печати книги и статьи "передовиков труда". Вряд ли просвещённых рабочих вводят

теперь в художественные советы театров, творческих союзов. А ведь было такое! О человеке труда пишут немногие издания коммунистов и профсоюзов, преимущественно новых. Но и во фракции КПРФ в Думе, насколько я знаю, сегодня нет ни одного рабочего.

И в своих исследованиях я задаюсь вопросами, какие и силу чего произошли изменения с рабочими, почему их стало менее слышно, каково будущее рабочего класса. Этих вопросов я и хотел бы коснуться в беседе.

Рабочий Ч.Э.Сымонович (Ч.С.): Уважаемый социолог, я прочитал в "Телескопе" и в сборнике "Социология вчера, сегодня, завтра..." несколько ваших статей 2005-08 гг. о рабочих в Петербурге в наши дни. Читал их и как рабочий, и как бывший историк-профессионал.

Я пришёл на фабрику в 1959, а на стройку в 1963 году. Общий стаж в качестве рабочего приближается к 30 годам. В прошлом году надорвался на строительстве дорог, теперь плотничая и ремонтирую сантехнику в 33-й больнице. Это называется "рабочий по обслуживанию зданий".

Но в середине жизни лет 20, в 1970-е-80-е гг., занимался изучением и преподаванием истории. В частности, работал в ЛГУ на кафедре истории Советского общества, где общей темой была история рабочего класса СССР в условиях зрелого социализма¹. Мои старшие коллеги — А.З. Ваксер, В.А. Ежов и др. много писали о рабочих Ленинграда. Историко-социологический характер имели докторские диссертации о рабочих И.П. Труфанова и Ю.Г. Чуланова. Каждый год на кафедре защищали диссертации о региональных отрядах рабочего класса посланцы областей, национальных автономий. Я же писал о социально-классовых сдвигах в советской деревне 1950-х — 80-х гг. Затрагивал рабочую тематику попутно, пытаюсь понять, во-1-х, социальную природу рабочих совхозов, и во-2-х — вымучивая из себя статьи о союзе рабочих, крестьян-колхозников и интеллигенции в условиях развитого социализма...

После краха СССР, по причинам, в основном, материальным, пришлось вернуться на стройку. А думать и писать об отечественной истории второй половины XX века, о судьбе своего поколения — ровесников Войны — продолжаю.

То есть, я — не только рабочий. Но на ваши статьи хотел бы откликнуться прежде всего как рабочий. Иногда — ссылаясь на статистику, на научную литературу.

Б.М.: Дорогой Чеслав, я рад любому отклику на свои писания. По крайней мере, он свидетельствует, что кто-то прочел мои сочинения, которые публикуешь и не знаешь, удостоил ли их кто-нибудь вниманием. Ваш отклик особенно ценен, и персонально, и как от рабочего человека. Признаться, я даже не надеюсь на чтение своих статей рабочими, хотя в значительной части они рассчитаны и на них. Ваша реакция, видимо, обусловлена тем, что вы принадлежите по уровню образования к высшему слою рабочего класса, который иногда называют "рабочей аристократией". Это люди, нередко имеющие выс-

¹ См. продолжавшееся с конца 1960-х гг. издание: Рабочий класс СССР на современном этапе. Под ред. В.А. Овсянкина и В.А. Ежова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968

шее образование, выполняющие сложную работу, требующую именно высшей квалификации, иногда пришедшие в рабочие из должностей служащих, специалистов, ученых. Кандидатов наук, как вы, среди них, конечно, немного. Но тем ценнее опыт рабочего, умеющего наблюдать, анализировать и грамотно излагать свои мысли. Пусть вас не смущает образование и ваша ученая степень. Не наследственная же это должность — рабочий.

Думаю, всякому социологу интересно узнать мнение представителей тех социальных групп, о которых они пишут.

Ч.С.: За Ваше постоянство в тематике исследований, а тем более за сочувствие к рабочим — спасибо. Сейчас не так уж много социологов, проявляющих не только сопереживание, но и просто исследовательское внимание к рабочим, чьи мнения, облик были ударной темой нашей истории и социологии. Но и непростой (темой), если учёный шёл в своих выводах до конца. Знаю, что и у вас были трудности такого рода. Ибо тема была вам безразлична. Это естественно. Исследователь — не машина, а человек, с биографией.

Моя биография складывалась так, что лишь 4 года пришлось на работу в относительно крупных коллективах (Прядильно-ткацкая ф-ка им. П.Анисимова и ДСК-5). Остальное время — в специализированных строительных УНР, в разбросанных по городу и области звеньях из 5-7 человек. То есть, чаще всего не было чувства причастности к большому коллективу. И ещё одна оговорка. Я работал и работаю в строительных или ремонтных организациях и подразделениях. А вчерашние и позавчерашние выходцы из советской деревни, из аила, кишлака — это совсем не то, что потомственные питерские рабочие в промышленности!

Б.М.: Чеслав, успокойтесь. Рабочие знаменитого Кировского, бывшего Путиловского завода — это ведь "кадровые, потомственные питерские рабочие"? Так вот, когда я работал на заводе, они на 2/3 состояли из проживающих в общежитиях, т.е. из приезжих со всех концов России и других республик, в т.ч. из деревень. Потомственные питерцы уже тогда не очень-то стремились идти в рабочие. Их ряды пополняли, совершенно верно, "выходцы из деревни", других городов, которые еще в своем поколении становились "кадровыми". А их дети уже тоже стремились получить высшее образование с помощью родителей. Таким образом, потомственные питерские рабочие — это тоже идеологема, популярная в советское время и заброшенная за ненадобностью в наше, которое не знаю, как и называть.

Вы смотрите шире, чем просто строительный рабочий, в историческом плане — наверняка шире и социолога.

Ч.С. В упомянутых выше обстоятельствах отличия моего жизненного варианта от тех социологов, которые шли на заводы рабочими для включённого наблюдения. И потом подробнейшим образом, по дням и чуть ли не по часам описывали свои впечатления. Читая об этом у А.Н.Алексеева, я, в отличие от исследователей рабочего класса, следил прежде всего за многомесячным ходом налаживания драгоценного заграничного станка, и всё ждал: когда же его выведут из застоя и он будет работать "на развитой социализм". Описания же отношений в рабочем коллективе, в частности — отношения к автору, интересовали меньше, т.к. всё это знакомо и верно. К автору испытываю зависть не обществоведа к талантливому создателю жанра, а — рабочего относительно простой профессии к тому, кто побывал на вершине мастерства в своей сфере, ибо наладчики станков, инструментальщики — это асы.

А ваше мнение о "драматической социологии"? Ведь вы изучали рабочих извне, а А.Н. Алексеев — изнутри.

Б.М.: И тот, и другой подходы имеют свои достоинства. При взгляде "извне" предстает более широкая картина; "изнутри"

видны детали. Алексеев раскрыл с документальной точностью реальный мир отношений, позиций рабочих; первая особенность, — его взгляд не совпадал с официальным образом рабочих того времени, показывал идеологизированность образа. Далее, на примере одной бригады, одного настройщика-штамповщика, Алексеев вскрыл чуть ли не всю систему производственных отношений позднесоветского периода, т.е. дал и широкую картину (неприкрашенную, за что подвергся гонениям). При этом он сумел заформулировать свои наблюдения в такие глубокие научные категории, что я, как будто знавший рабочую среду и не ожидавший открытий, просто поражался. Например, его положение о "вынужденной инициативе". "Наблюдающее участие" Алексеева на питерском предприятии и "Драматическая социология" по результатам работы² — это уникальные вещи, и они уже вошли в фонд социологии. Рабочим они, наверное, понравились бы больше, чем мои сочинения (если бы рабочие их прочли).

2

Обратимся к нашей главной теме. Что вы можете сказать о динамике, сегодняшнем состоянии рабочих, рабочего класса?

Ч.С.: В том, что дореволюционный рабочий класс был именно классом — небольшим, но особенным, боевитым — наверно, сомнений нет. Без этого не было бы Октября 1917 г. Формировался он в своих особых, российских, условиях не менее двух веков, начиная с крепостного состояния приписных к уральским заводам крестьян-рабочих, или — занятых на помещичьих фабриках...

Из советских учебников, следует, что последний раз рабочие как самостоятельная сила, поддерживаемая Коммунистической партией, проявляли себя в годы НЭПа, бастуя на концессионных предприятиях, понося фракционеров в партии и т.д. Примерно с начала 1-й пятилетки ВКП(б), и только ВКП(б), говорит от имени рабочих то, что якобы соответствует их интересам, выражает их волю. Вбрасывание в массы идей ударничества, соревнования, движения за коммунистический труд — характерны. С другой стороны, так и должно было быть, ибо партия называла себя передовым отрядом рабочего класса.

Не согласен с упрощённым тезисом о том, что рабочие в целом поддерживали советский режим, одурманенные агитационной лезью, наградами активистов³. А вот безразличие с оттенком презрения к добравшимся к власти на всех уровнях ценой моральных потерь — помню очень хорошо. Иначе рабочие, т.е. 2/3 трудового народа, не расстались бы так холодно с Советской властью, когда их надежды на Перестройку социализма не оправдались. А ведь с какой горечью рабочие писали в газеты:

— Между вами, на самом верху, и нами, рядовыми сторонниками перемен, "резиновый", непробиваемый слой противников Перестройки. Как преодолеть сопротивление?

Какое-то проявление социальной активности рабочих намечилось было в конце перестройки и в начале неразумных, грабительских ельцинских приватизаций. Но бастовали отдельные местные и отраслевые отряды. Режим устоял. Ибо способность трудящихся к самоорганизации, к самозащите, была вытравлена за годы Советской власти.

Как известно, демонтаж отдельных элементов конструкции зрелого социализма привёл к обрушению всего колосса. Коренным образом в условиях нового строя, и ещё на пути к нему, изменилось положение рабочих. Самосознание их также изменилось в "новой" России. От рабочих давно перестали что-либо ждать, да и сами они, не замечал, чтобы стремились к переворотам. Их активная, преобразующая общество роль — это уже история. Причём относительно недолгая. От заметных стачек 1880-х годов до абсолютной подмены партией голоса ра-

² Алексеев А.Н. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*. Т.1. СПб: Норма, 2003.

³ Толстик В.С. *Рабочий класс, тоталитаризм и индустриализация России*. В кн. Кравченко А.И. *Социология. Хрестоматия*. Екатеринбург, 1998, с. 354.

бочего класса прошло всего 40 лет. Потом часть его ликвидировали, часть — приручили, часть — запугали. С каждым новым поколением рабочий класс СССР становился всё более послушно-безразличным, кроме тех немногих случаев, когда власть имела неосторожность, с одной стороны, уверять в улучшении жизни трудящихся, а с другой — одновременно повышать цены и снижать расценки. Имею в виду трагедию в Новочеркаске.

А ведь в советское время восхваление класса-гегемона порождало у иных рабочих преувеличенную самооценку. Помню, что в 1960-е гг. в рабочем коллективе меня, выходца из интеллигенции, сразу поразило что-то вроде рабочего снобизма у передовиков, маститых бригадиров.

С другой стороны, низший (да, пожалуй, и средний) слой "работяг" (не люмпенов!) чётко делил трудовой коллектив на "мы" и "они".

— "Мы" — принижённые, зато и терять нам нечего — рабочие требуются везде ("была бы шея, а хомут найдётся!"). "Они" — начальники хреновы, не могут во время обеспечить техникой, материалом, экономят фонд зарплаты и т.д. ("Килу наживают, телефонную трубку целый день поднимая"...).

Интеллигенция в долгу не оставалась. Дама из служащих сплошь и рядом говорила о еле идущем с полочки или с халтуры работяге:

— Полюбуйтесь! Это наш "гегемон"...

Возможно, на больших предприятиях отголоски этой розни есть и сейчас. А может быть и нет. Ведь рабочие поняли, что не они — пуп земли. И специалистов не дразнят верхи завышенной оценкой общественного предназначения рабочего класса.

Получается, что в данный момент в споре "реалистов" и "номиналистов" правильнее позиция вторых ("класс — удобное классификационное понятие, обозначающее совокупность людей с общими чертами НЕЗАВИСИМО ОТ ОСОЗНАНИЯ ИМИ ЕДИНСТВА"⁴).

Чем меньше фирма, тем ниже барьер между рабочим и прорабом, мастером. Часто всем приходится делать всё. Так, на предпоследнем месте моей работы, в фирме по благоустройству территорий, пожилой прораб, прошедший все трудовые ступеньки, хватал частенько лопату, мастерок, подстёгивая не только матом, но и личным примером. Я думал, дело в возрасте. Но и на нынешнем месте работы молодые ИТР-овцы возят в багажнике личных авто спецовку, инструмент. Возможно, этому учит экономика. Во-1-х, нас с "менеджером" сближает то, что мы все — наёмники. А Хозяин — из другого теста. Во-вторых, не держа в бригаде лишнего, а иногда и нужного бы рабочего, мастер, прораб, работая ещё и руками, заслуживает себе у хозяина как бы премию за экономию оплаты труда. Социальная психология, если таковая ещё существует, отметила бы: отношения непосредственного начальства и рабочего изменились; первое стало ближе ко второму в трудовом процессе, но дальше и бесчеловечнее — в финансово-дисциплинарном.

Отступая ещё на два-три года назад, т.е. в ДОКРИЗИСНЫЕ ГОДЫ, напротив, в ООО побольше и попретенциознее, что шло от Хозяина, мнившего себя деловым человеком, видел убогую манию величия — на каждого мастера, прораба, зам. директора приходилось 5-6 рабочих. ООО было искусственно разделено на 4 фирмочки, каждая -во главе с ГЕНЕРАЛЬНЫМ ДИРЕКТОРОМ (по советским меркам это был начальник захудалого участка...). Дело не в том, что такая мания тошнотворна или смешна. Нам же приходилось кормить эту ораву (далее — непечатно...). Видя всё это, о каких человеческих отношениях между хозяевами и рабами может идти речь?

Б.М.: Раз уж вы затронули тему самосознания рабочих — в какой мере рабочие всё же ощущают свою особость? И в чем

она, по их мнению, состоит? И что из неё следует?

Ч.С.: Многолетние усилия КПСС и Сов. государства по социальной интеграции не могли не сказаться. Ещё в 60-е годы мы, рабочие, видели разницу между интеллигентным по повадкам, грамотным прорабом, начальником участка, цеха и — таким же, как многие из нас, горлохватом, полужнайкой. Первого уважали больше. Над вторым посмеивались. ОН ВЫПАДАЛ ИЗ СВОЕГО КРУГА, но ближе нам не становился.

Забота КПСС о непревращении интеллигенции в касту (курс на всеобщее среднее образование, регулирование приёма в вузы и пр.), относительное обесценивание уровня оплаты труда специалистов, привело в 1980-е годы к размыванию особости ИТР как культурного слоя. Социологи отмечали это в исследованиях отношения к работе, общественно-политической жизни, культурно-бытовой сферы. "Стирание граней между людьми преимущественно физического и преимущественно умственного труда" шло не только путём поднятия уровня первых, но и в ходе перепроизводства и обесценивания специалистов. "Культурно-технический уровень" авангардных и отчасти — средних отрядов рабочего класса рос, этого требовала новая техника. ИТР же не уходили вперёд так быстро, чтобы социальные грани оставались такими чёткими, как до "развитого социализма". Напоминаю оговорку: так было на стройке.

Но это — мои "учёные" мнения. А вам нужны факты, наблюдения изнутри слоя. Привожу несколько, по хронологии:

1960 г.: на собрании механического участка ни один человек из 20-25-ти не выступает в поддержку начальника против слесаря-пьяницы и прогульщика. Видимо, боятся осуждения товарищей. Грань между "мы" и "они" острая.

Тогда же: НЕНАВИСТЬ, глухую, но часто прорывающуюся, мы, рабочие-сдельщики, испытываем к нормировщику, применяющему низшие расценки. Видим в нём верного слугу "начальства вообще". Мы не хотим знать о том, что он — лишь исполнитель государственной политики в области труда и зарплаты. Экономической учёбы нет. Некому объяснить нам, что чем дешевле наш труд, тем дешевле для нас же как потребителей могут стать изделия, изготовленные на отремонтированном нами оборудовании. (А могут и не стать, если у высшего руководства возникнет более насущная нужда в отнятых у нас копейках!).

Вторая половина 1960-х: при формальной чистой сдельщине, внутри цеха, участка обыденностью стала уравниловка. Начальник выравнивает зарплату между бригадами, ибо если на одном объекте — рывок вперёд и можно бы заплатить за день по 6 — 6,5 рублей, то просидевшей без экскаватора бригаде останется лишь по 3,5 р. Люди застонут, кто-то уволится. Мы понимаем это, но иногда жмём на бригадира:

— Сходи, пусть закроют наряды не по 4,60, а хотя бы по 5 рублей за рабочий день. И хорошо бы — перевели с прокладки канализации на укладку асфальта. Там — выше % зарплаты в смете. И будем работать по выходным, по 8-10 р. за сверхурочную смену!

Таким образом, социальные роли для нас ясны: Начальник хорош прежде всего тот, кто умеет "химичить", хорошо закрывать наряды. Все остальные, даже профессиональные его качества, не так важны, если только не оборачиваются пустой работой, переделками и т.д.

Поскольку сдельщина не настоящая, с элементами "выводиловки", рубль не заставляет нас жёстко соблюдать режим. Только с оглядкой на возможный приезд начальства мы во время выходим с обеда, заканчиваем работу и т.д.

Год примерно 1969-70-й. Пытаюсь объяснить, оставшись за бригадира, что из ничего что-то не бывает, что если заплатили нам и миллионам таких как мы за приписанные объёмы, то эти деньги не будут обеспечены товарами. Поднимутся цены или исчезнут товары. Не хотят слушать. И по-своему они

⁴ Вронг Д. Социальное неравенство без социальной стратификации. В кн. Кравченко А.И. Указ. соч., с. 256.

правы. Ведь махинации с процентовками делятся десятилетиями, а экономика выдерживает. А я думаю про себя: какой же запас прочности у нашей системы.

О политике говорим редко — за полной бесполезностью разговоров. Помнится только один вопрос, риторический, бригадира В.М. Смирнова:

— *Зачем столько газет, если пишут всё одно и то же?*

Отвечаю: *Монополия на информацию, обережение нас от вражеских взглядов на события...*

Наконец, и в 60-е, и в 2000-е, самосознание рабочего складывается не только с первого слова, сказанного начальником, но — с первого шага через порог, в грязь раздевалки. Так было и на первом месте моей работы, и сегодня, через 51 год. Разница лишь в том, что усилился контраст между нашими полуразрушенными бытовками, без душа, и — евроотделкой престижных этажей для руководства и для посетителей-партнёров.

Короче говоря, главная черта специфики самосознания рабочего, начиная с моих молодых 1960-х, (подчёркиваю: в мелких строительных подразделениях) — ощущение своего полного бесправия, бессилия. (Не оттого ли ещё, что жили строители либо в общежитиях, либо в комнатах и квартирах, полученных от государства ИЗ РУК НАЧАЛЬСТВА?). Но слово "мы", рабочие употребляли часто, правда, не гордясь, а жалуясь на свою судьбу:

"Нам-де две награды положены — грыжа и орден Сутуло-го".

(Всё это вы, наверно, тоже помните, раз изучали в середине 60-х причины текучести кадров в Главзапстрое.)

Теперь — иначе. За последние 20 лет я прошёл через 5 трудовых коллективов, работая плечом к плечу с десятками рабочих, разного возраста, пола, всех основных соц.-проф. характеристик. И ни разу не слышал: "Мы, рабочие...".

Вы вопрошаете: Что больше заметно — приbedнение или американская установка благополучного оптимиста. По моим наблюдениям, преобладает приbedнение, при этом во всём, не только в заработке. Предложи членам бригады заявить протест, хотя бы по простому поводу, как тут же посыплется: "Да кто нас будет слушать?!", "Что толку протестовать?!", "Попробуй выслушаться, тут же выкинут..."

Смотря шире на советское прошлое, судя по прессе, по "рабочей" публицистике, по трудам некоторых ваших коллег, а тем более — славословов-историков, рабочие всегда были разные. У рабочего-"аристократа", передовика, орденосца, автора-исполнителя новых приёмов, в перспективе — новая квартира, сидение в президиумах, избрание в представительные органы, орден... У передовика-рационализатора — увлечённость профессией, техническим творчеством, членство в Обществе изобретателей и рационализаторов, премии. А у нас, рядовых-непередовых — ничего, кроме стакана с полочки в ресторане "Бревно" (т.е. на диком берегу Невы). Вот и храбрились, унижаясь:

— *Попробуй, понизь меня! Некуда. Такую же лопату мне и в соседнем УНР дадут...*

С тех пор прошло 40-50 лет. И все эти годы, и в военных, и в гражданских строительных организациях видел экономию на нашем горбу, воровство материалов начальством, приписки. Порядочные прорабы, начальники участков встречались редко. Их мы уважали. (Теперь не воруют лишь хозяева-руководители мелких, практически — частных предприятий. Им нет смысла красть у себя).

В 90-е годы всё висело на волоске. Невыплаты зарплаты повторились в 2009 — начале 2010 г. Они коснулись, наконец-то, и мелкого начальства. Мы же ещё более бесправны ФАКТИЧЕСКИ. Ибо рабочих мест свободных, приемлемых — меньше. А на месте советских назначенных, отчасти подконтрольных,

командиров производства — ХОЗЯЕВА! Причём — из той же самой советской образованщины, не имеющей за душой ничего, кроме психологии мелкого жулика-подрядчика. У них в руках и мы, рабочие, и ИТР. В этом смысле все **наёмные работники стали ближе друг к другу**. "Особости" рабочих стало меньше. Разделяет только одно: мастер, прораб крепче держится за своё место, т.к. получает гораздо больше рабочего. Теперь — всегда. И это — один из инструментов в руках хозяев.

Но и мы хороши. Заботясь о своём кармане сегодня, мы не против деления зарплаты примерно пополам, на "официалку" и "конверт", хоть это завтра ударит по всему народу недобором налогов.

Так что, низкий поклон организаторам нашего посконно-го капитализма, будь он трижды проклят!

Б.М.: Да, выражаетесь вы совсем по-пролетарски! И степень кандидата не мешает. А вы ещё сомневались, можете ли говорить от всех рабочих.

3

Ч.С.: Мы перешли от общего вопроса, о социальной природе рабочего, к вопросу о его трудовых доходах по основному месту работы. Здесь ваши наблюдения 2007 года устарели больше всего. Например, когда вы фиксировали, что 63% относят себя к средней группе обеспеченности. Вот пример живой: мои товарищи, сантехники, электрики за 2007-2008 гг., действительно, дважды получали прибавку жалования, с 18 до 24 тыс. рублей. На 2009-й г. формально зарплата оставалась той же, но выплачивали половину. 2010-й: при заключении договора предложили 16 тыс., а с апреля снизили до 12. И это не предел. Хозяйка нашего ООО смотрит на комбинат "Победа", а там сантехники ходят уже по 10-11 тыс.! Соседка по квартире — продавец протмтоваров говорит, что у её коллег в среднем в месяц выходит по 7-8 тыс. А цены розничные куда скакнули? Не вниз ведь. На другом полюсе — квалифицированные станочники, сварщики, слесари "Атоммаша", "Ижорстали". Они держатся пока на своих 20-35 тысячах.

Рассматривая "динамику доходов" середины 2000-х гг., вы подчеркиваете: растёт, в основном, номинальная, а не реальная зарплата. И что повышенная зарплата рабочим дорого дается. Но вы не замечаете, что и в моральном плане заработок весьма существенно зависит от отношений с начальством (какую работу дадут, какие расценки применят, согласен ли за зарплату работать на хозяина лично и т.п.). Тут приходится "прогибаться" ещё сильнее, чем в советские времена.

Вы оперируете средними заработками, а они очень разные. Я против уравниловки. Но нынешняя разница ни в какие ворота не лезет. В обрабатывающих отраслях в 2006 г. разница между средней зарплатой у 10% низкооплачиваемых работников (2 310 руб/мес.) и у 10% высокооплачиваемых (32 075 руб/мес.) была почти 14-кратной. И это ещё не предел. Во многих других отраслях разница была 20-30-кратной⁵. К тому же — по каким нормам меряют теперь нашу работу (и зарплату)? В советское время оптовые цены на материалы и механизмы изменялись раз в десять лет. Теперь — ежегодно. Третьим лицом после директора и главбуха в строительных организациях стал Сметчик, умеющий "накрутить" объёмы и цену работ...

Б.М.: Ваши замечания принимаю. Про моральные унижения я, правда, говорил в другом месте. Вы подтверждаете их значимость. Что касается "средней по больнице", — вы тоже правы. Но у меня не было данных о дифференциации заработной платы среди рабочих, по крайней мере, в том материале, который я использовал (материалы мониторинга СНИЦ). Да и госстатистика не дает таких данных. Вообще, размеры доходов по социально-профессиональным группам приходится выуживать. Или можешь покупать, но за немислимые для небогатого социолога деньги. Произвольность в оплате труда я тоже затра-

⁵ Российский статистический ежегодник. 2007. М.: Росстат, 2007, с. 141.

гиваю (в другом месте). Но это, похоже, не только произвол отдельных работодателей, но и следствие смены социально-экономической системы, замена принципа оплаты по труду принципом "сколько начальство положит". Кстати, — это устраивает рабочих?

Ч.С.: Дорогой социолог! Вы прямо вкладываете персты в открытые, сочащиеся гноем разложения, раны нашего "хозяйственного механизма"! Нет правил, к которым не применился бы наш вечный российский коррупционер.

Мы, дураки, верили, что при капитализме всё урегулирует здоровая конкуренция. Что выиграв конкурс, обеспечив нас работой, директор (хозяин тож) установит нам "достойную оплату". Как бы не так!

Не раз представителям одной из фирм, где я работал, говорили: *«Мы не советуем вам участвовать в конкурсе, т.к. у нас на примете есть своя, знакомая, надёжная фирма».*

Или: *«Мы — за вас, но если хотите выиграть, принесите ещё 2-3 заявки с более высоким уровнем цены исполнения. А то не получится конкурс. А потом вы нас отблагодарите "откатом" процентов в 10 от суммы контракта».*

Что говорить о сотрудниках гражданских бюджетных организаций, если, судя по рассказам коллег, начфин одной из частей МВД прямо говорил: *«Меньше 15% не возьму. Если даже выиграете конкурс, сделаю всё, чтобы вас здесь не было!»*

И куда деваться? Везли конверты... (далее — непечатно).

Полгода назад столкнулись с новым изобретением хищников в дебрях строительства и благоустройства. Эти лицензированные "строительные" фирмы ходят по конкурсам не затем, чтобы выиграть заказ, а чтобы шантажировать реального участника:

Или собою цену до невыполнимой, или отдай 20% стоимости будущего контракта и выигрывай спокойно.

Так что дело теперь не только в произволе хозяина, занижающего оплату труда, но и в его тяжелейшей борьбе за получение заказа. После закупки материалов и уплаты налогов — что остаётся делать? Задерживать зарплату.

Недовольство задержками зарплаты, снижением её, конечно, есть, но забастовки против этого не объявляют. Отчасти-потому, что у многих из нас есть вторая работа, в бюджетной организации. Поэтому частнику робко грозим, терпим до последнего, потом уходим, если есть куда. Хозяин-должник выжидает три месяца — срок подачи обобранными работниками претензий, и потом может спать спокойно. Он, гад, ведь, как правило, рассчитался с нами по официальной, показанной в трудовом договоре, сумме. А зажил ли то, что причиталось наличными.

Кроме того, держимся на месте, т.к. боимся попасть из огня да в полымя. Многих не раз в это проклятое 20-летие обманывали работодатели. Чаще — мелкие жучки. Заманивая, обещаю нормальную или даже очень высокую зарплату. Через месяц-два-три платят в разы меньше, или просто говорят "Нет денег; можешь уходить". Набирают других, и всё повторяется. У меня так было дважды. Сам виноват, выходил на работу без оформления трудового договора. Бандитов знакомых нет, чтобы выбивать обещанное. А по суду мало что возьмёшь, ибо часть оплаты — в "конверте".

Так вышло на предпоследнем месте работы. Под одним хозяйчиком, — 4 ремстройфирмы. В одной из них, я работал с начала 2007 г. начальником участка (фактически — неосвобождённым бригадиром). Кое-как, через силу, мы вшестером справились с аварийным и техническим обслуживанием 96-ти соцкультурчреждений района. Бюджетных! Зарплату почти перестали платить с началом кризиса, с 2009 г. Кто-то терпел до апреля, а я — до середины июля. Хозяин всё обещал... Наконец, мы поняли, что за счёт заработанных нами средств хозяин кормит, во-первых, другие свои фирмы, желая их сохранить в безвременье, а во-вторых — несколько кафе и ночных клубов, принадлежащих его родне.

Вот так эти захребетники, выросшие из ничтожеств времён застоя, роскошествуют, сидя на нашей шее и обманывая государство.

С другой стороны, "рабочая мораль" — понятие растяжимое. Нас, коренных здешних, например, устраивает, что за одну и ту же работу получаем процентов на 20-40 больше, чем ребята из Таджикистана, особенно не имеющие разрешения на работу в РФ.

А без них не обойтись. Многие рабочие места пустуют, несмотря на немалое количество безработных.

4

Б.М.: Слушайте, я давно пытаюсь понять, почему рабочие не используют благоприятную для них конъюнктуру — дефицит рабочих кадров. А может быть, используют, да я не знаю, как. Вы-то ощущаете конъюнктуру, когда рабочие могут заявить свои претензии? Сейчас, правда, на дворе финансовый кризис. Но все равно острота проблемы квалифицированных рабочих кадров не снижается. Особенно в Питере, где промышленности много, но кадры перетягивают вузы. Городской Комитет по занятости населения постоянно говорит о проблеме рабочих кадров. Создается впечатление, что только сами рабочие не знают, что они стали "золотыми".

Ч.С.: Давайте говорить конкретно. В районных Центрах занятости заполнены теперь не по 20 щитов объявлений, а по 4 — 5. Во столько же раз сократилось предложение вакансий в газете "Центр +". На стендах на автобусных остановках — по 2-3 объявления. Пусты доски "Требуются" при входе на предприятия. Сегодня (в конце апреля — начале мая 2010) в моём районе требуются, в основном: электрики, шофёры, медсестры, дворники, уборщики, бармены и официанты, упаковщики, рабочие по обслуживанию зданий. Предлагаемая зарплата, за исключением двух первых позиций, — от 6 до 10 тыс. рублей.

Конечно, есть места, на которые люди не идут, боясь сверхвысокой вредности. Помню, когда ещё в свои преподавательские времена халтурил на Опытно-экспериментальном заводе, обдирая на наждаке напильны чугунного литья, респиратор чернел через час-два. Ночью, во время выколотки литья из форм, пыль стояла такая, что за 10-15 метров ничего не было видно! У печей по производству стекловаты люди падают в обморок, обжигаются... Кто ж туда пойдёт? Тот, кому уже нечего терять. Но большинство-то людей хочет жить.

Но вы спрашивали, почему не пользуемся нехваткой квалифицированных рабочих? Поверьте: часто умения приходящих устраиваться гораздо ниже не только их саморекомендации, но и удостоверений. Так, за два с половиной года только через мой мельчайший участок прошло человек 5-6 сварщиков. Только два справились с работой, заваривали стыки труб без огрехов.

Только от электриков, от стропалей, крановщиков требуют ежегодно сдавать экзамены. А мы — сантехники, плотники, и даже механизаторы, сплошь и рядом имеем давние, просроченные удостоверения. Пока не поймал Технадзор... Настоящих мастеров своего дела, не только умеющих хорошо работать, но и не допускающих скрытого брака, халтуры, действительно мало. Так что даже неплохо, что кризис заставил организовать обучение и переобучение взрослых, потерявших работу по прежнему специальности. Профучилища, "лицеи", техникумы погребут на этом руки.

От трети до половины принятых приходится увольнять за пьянку.

Может быть, на больших заводах иначе. Но ведь даже в последние советские годы, когда профобразование было поставлено очень высоко, в промышленности насчитывалось лишь около 1 миллиона (т.е. около 5 %) высококвалифицированных рабочих. В США — 44 %!¹⁶

Только самая верхушка, рабочая аристократия (индивиду-

лы по вызову), обслуживающая элиту, знает новые материалы, не жалеет денег на новейший инструмент и т.д. Потому и ценят её в несколько раз выше, как рабочих на Западе. Есть и элитные фирмы такого уровня. О них (но не у нас) сказано: *В высокотехнологичном производстве нужен лишь наёмный работник-индивидуалист, гибкий, искусный, быстро переобучаемый. Трудовые отношения нового типа зависят от вовлечённости персонала в интересы фирмы. Это размывает классовые противоречия в пользу корпоративизма и неопатернализма*⁷.

Думаю — здесь часть ответа на ваш вопрос об "особости" рабочих. Социальное расстояние между рабочим-передовиком советской эпохи и тогдашним рабочим-среднячком было всё же меньше. Они входили в разные слои одного класса, ибо работали на одного Хозяина — на Государство. Ныне же индивидуальный мастер — сам себе предприниматель и исполнитель, на огромной машине, с пятью чемоданами инструмента и пятью электромашинками, знающий проспекты западных материалов, находится отчасти в классе мелких буржуа. Ибо он, не задумываясь, наймёт себе помощника и станет на время подрядчиком. А мы, так и работающие ломом, лопатой и кувалдой, иногда с помощью всё того же тракторишки "Беларусь", — из совсем другой эпохи, жизни и класса. Повторяю, я беру контрастные группы среди строителей и ремонтников. С "серединой", заводской, просто не знаком.

5

Б.М.: Вы довольно мрачную картину нарисовали. Если всё так, то люди должны как-то выражать недовольство. В статьях я привожу данные об ориентации рабочих на протест, о готовности лично участвовать в акциях протеста, например, до 28% в 2006 г. Причём потенциал протестности сохраняется из года в год. Но число состоявшихся акций в форме забастовок незначительно (в Петербурге с 2000 г. они вообще не регистрировались). Как объяснить это расхождение? Рабочие высказывают, так сказать, дежурные установки? Смелы только на словах? "Пугают" начальство? Или они действительно хотели бы бастовать, но закон не позволяет довести протест до стадии забастовки? Насколько вообще популярны в рабочей среде протест, коллективные протестные действия? Не предпочитают ли отдельные рабочие лично договариваться с начальником? Я пишу о прорезывании нового этапа рабочего движения, но, может быть, я плохо знаю сегодняшние настроения?

Ч.С.: Какие действия выберут рабочие, это зависит от многих причин, очень разных. Вы судите, в основном, по доступным для наблюдения социологов крупным предприятиям, известным в городе, звучащим в СМИ.

Мой опыт такого рода мал. Во второй половине 90-х годов, на госпредприятии, в среднем по размерам трудовом коллективе, было с моим участием 2-3 попытки бастовать, но — без поддержки профсоюзного комитета, одной-двумя бригадами, из-за задержек зарплаты. Кончались они быстро. Во-1-х, никто не знал, каков законный порядок объявления забастовки. Во-2-х, или кто-то напивался, чтобы не сидеть в раздевалке без дела, и тем порочил саму волюнку, или приехавший более высокий начальник давал очередное обещание, и мы шли работать...

Б.М.: Да, в последнее время забастовки рабочих — большая редкость. И в то же время в 2007 г. как бы неожиданно "выскакивает" уникальная по длительности, по организации забастовка на заводе Форда, всколыхнувшая общественное мнение. Поэтому я и называю рабочее движение "спящим вулканом".

Ч.С.: Главная слабость нынешнего состояния рабочих — их разрозненность, неорганизованность, даже на средних предприятиях. Профсоюзные "вожаки", большей частью — из мелких служащих, т.е. не авторитет даже для директора гос-

предприятия, не говоря о Хозяевах.

В государственном УНР, где я работал в 90-е гг., профсоюз был "в кармане" у начальства. То же безгласное его состояние застал я на ДСК-5 в 2001-2004 гг. А в последних трёх мелких частных фирмах (ООО) его нет и быть не может.

Надо подчеркнуть: хозяева стремятся, вместо привычного советского варианта бессрочного трудового договора, набирать людей по договорам подряда на полгода. А то и без оно-го. Говорят: не беспокойся, заплатим на основании табеля. То есть, мы висим на ниточке их доброй воли. А она определяется ситуацией с заказами. Какой уж тут профсоюз...

Чтобы его организовать, нужно в каждом из мелких, рассеянных по объектам звеньях, иметь грамотного, авторитетного и смелого человека, да ещё настолько нужного хозяевам, чтобы они стерпели его общественную активность. Это нереально. В 1990-м г. хозяин коммерческой фирмы "Совинтур-Инициатива", Н.П. Милоченко, из бывших комсомольских вожачков, на моё робкое предложение организовать профсоюз мягко сказал: *"Я — ваш профсоюз. По всем вопросам — ко мне"*.

Таким образом, недовольство работников условиями, своим положением, сохраняется. Это — основание для коллективных действий. Но возглавить протест на малых и средних частных предприятиях некому.

Вы будете смеяться, но я был бы рад, если бы добрые цари Владимир или Дмитрий рявкнули бы хозяевам и хозяйчикам всех мастей:

"Чтоб завтра же была профячейка в каждом ИЧП, ООО...! А то — закроем к такой-то матери!"

На кого нам ещё в России надеяться? Только на отцов народа...

6

Б.М.: Смеяться я не буду, разве что глубоко вздохну. В последней статье я ставлю вопрос: "Просматривается ли реальный рабочий класс?" Что вы можете сказать по поводу моих пассажей? Может быть, действительно, рабочий класс растворяется в других социальных слоях?

Ч.С.: Дорогой социолог! Так мы с вами по второму кругу пойдём говорить всё о том же. И редактор нас осудит.

К сказанному вначале могу лишь добавить: расслоение бывшего рабочего класса усиливается. Об элите рабочей я сказал. А низы, периферийные отряды рабочих, всё утрачивают определённую. Ни социологи, ни сами они уже не знают, кто они. Ясна только трудовая функция, нешикарный быт и — пивной да телевизионный опиум после работы (см. "Аэлиты" А.Толстого с воем толп марсиан: "Хлеба и хавры!"; см. также "Хищные вещи века" Стругацких с "дрожкой" по вечерам на дискотеках). А во время работы — с трогательной близостью между рабочими и служащими — и в цехах, и в кабине трактора, и в кабинетах контор, и в предсекционной морга — заполонившая страну новая народная "музыка" про любовь, т.н. "попса". Число слушателей "Дорожного радио" близко к миллиону. Ясно, по какой дорожке и куда оно ведёт национальную культуру России... Православные правы: наступили последние времена.

7

Б.М.: Какие еще претензии хотели бы вы высказать в мой адрес?

Ч.С.: Никаких. А Вы?

Самая большая претензия к нам, обществоведам: не бьёмся за доступ к массовым СМИ, чтобы хоть как-то просвещать людей. Чтобы быть ближе к рабочим, не начать ли нам кружки общественного при каком-либо предприятии или в ДК "за фабричной заставой"? Только пустят ли? И найдутся ли слушатели?

⁷ Толстиков В.С. Указ. соч., с. 355.

⁷ Волков А. По закону маятника. Разные стороны шведского социализма // Литературная газета, 2009, № 46, 18-24 ноября, с. 3.

Б.М.: Замечательное совпадение мыслей! Я тоже давно думаю — не пора ли возвращаться к кружковой работе? Чтобы действовать пониманию рабочими самих себя, своих интересов, ситуации в производстве и обществе, своего места в этой ситуации. Но меня беспокоит не только то, "найдутся ли добровольные слушатели", но и что привносить в головы рабочих или какие непривнесенные, собственные их идеи развивать? При этом не идеологизированные доктрины, а реальные знания, реальные концепции, могущие служить руководством к действиям (не обязательно к классовой борьбе). Я, пожалуй, мог бы выйти из позиции беспристрастного исследователя и, в соответствии с подходом французского социолога А. Турена, прибегнуть к активным методам социологии. Я знаю, по крайней мере, два места, где подобная работа проводится (одно из них — Школа трудовой демократии Г.Я. и Б.В. Ракитских в Москве). Но и там впечатляющей концепции о месте, роли рабочих в современных реалиях не нахожу. На ваш взгляд, можем ли мы способствовать выработке упомянутой современной концепции рабочего класса?

Ч.С.: Практически, социологи ближе всех к "народу", который они изучают не только и не столько по документам. Если в каждом коллективе, изучаемом Социологическим институтом, факультетом социологии Университета, поставить маленький цикл лекций-бесед "о текущем моменте" и об истории пути к нему, это было бы хорошим возвращением к высокой миссии общества "Знание", которое превратилось в букетик платных курсов.

Или сначала провести опрос:

Нужны ли Вам, товарищи, сегодня встречи с обществоведами?

Или довольно "говорящих голов" на ТВ?

Какие темы Вы считаете наиболее актуальными не только практически, но и для выхода из послесоветской возвратной исторической неразберихи в самосознании?

8

Б.М.: В заключение — вопрос, который мало обсуждается, но затронут в моих статьях. Как вы смотрите на то, что субъектность рабочего класса может стать полноценной при объединении его с группами интеллектуального труда, способными сформировать идеологию класса, направления, формы общественных преобразований, направить его энергию в нужное русло? Обычно я наблюдал отчужденное отношение к "служащим", если не сказать больше. Как сейчас?

Ч.С.: Ваш вопрос напоминает тему "Борьба Ленина с эконо-

мизмом на пути к партии нового типа" из курса истории КПСС. Речь шла о роли людей из интеллигенции, встающих на сторону пролетариата. Де только они могут выработать революционную политическую линию и внести её в рабочее движение. Иначе рабочие будут бороться лишь за свои ЭГОИСТИЧЕСКИЕ интересы, за "болотную копейку" (М. Горький), не поднимутся до роли освободителей всего эксплуатируемого народа. В споре с "экономистами" Ульянов тогда победил.

Революционная интеллигенция и НЕКВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ СЛУЖАЩИЕ, И СТУДЕНТЫ-НЕДОУЧКИ, И ОТЧИСЛЕННЫЙ СЕМИНАРИСТ повели рабочих и привели известно куда. Сравнение с нашими днями не хромает в том, что политическая деятельность на рабочих местах запрещена и теперь, как при царе. Нынешним интеллигентам-народникам снова пришлось бы для политического и общего просвещения рабочих организовывать кружки (к чему я себя и Вас призывал выше). Только кого изучать? Куда звать? Китайский вариант мы просочили. А до шведского вряд ли и внуки наши доработаются. Так что здесь не всё ясно.

Об объективном сближении рабочих со служащими в категорию "работников" я уже сказал. В литературе эту категорию рассматривают как общность в ряде случаев⁸. И можно было бы ждать их совместных действий под руководством смелых и честных ИТР. Но — не теперь, когда последние должны держаться за свои места. Да и психологический барьер, как правило, остаётся — с обеих сторон. Слышали поговорку: "Я начальник — ты дурак. Ты начальник — я дурак"?

Раз мы пытаемся ковылять по пути "цивилизованных" стран, надо бы посмотреть, как там шло размывание пролетариата, переход части его в "средний класс" и — получают ли совместные действия рабочих и служащих в борьбе за свои права.

Б.М.: Спасибо большое за участие в беседе!

Ч.С.: Спасибо и вам. Рад, что есть обществоведы, не забывающие о существовании главной непосредственной производительной силы — Рабочего. Но большая буква в названии его классовой принадлежности выглядит теперь как насмешка. Из "класса для себя", больше того, из могильщика классовых антагонизмов, он превратился в социальную массу "в себе", в средстве в руках новых хозяев жизни. А став таковым, мгновенно утратил свою классовую специфику. Теперь это лишь один из отрядов работников преимущественно физического труда. "По старому европейскому образцу..", — как сказал бы с горечью Владимир Ильич. А мы с Вами добавим: "Но — с расейской спецификой".

⁸ См. Покровская Н.Н. Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников. //Журнал социологии и социальной антропологии. 2008, Т.ХI. № 3 (44).